

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОДРОСТКОВ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ АНОМИИ: СОЦИАЛЬНЫЙ И ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ

О. В. Усова¹, В. В. Усов², Н. Б. Костина³

*Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Екатеринбург, Россия.
E-mail: ¹Ola_U@mail.ru; ²viktor1u@mail.ru; ³kostina-nb@ranepa.ru*

Т. В. Дуран

*Льежский университет, г. Льеж, Бельгия;
Уральский государственный университет путей сообщения, Екатеринбург, Россия.
E-mail: tatyana.duran@hotmail.be*

Аннотация. *Введение.* Данная работа продолжает линию исследований, касающихся различных форм проявления аномии в российском обществе. В предлагаемом исследовании рассмотрены индивидуальные формы проявления аномии на примере девиантного поведения подростков (обучающихся 13–17 летнего возраста) в зависимости от гендера и механизмы его восприятия педагогами образовательных организаций (ментальная репрезентация явления).

Цель исследования – выявить основные формы проявления индивидуальной аномии (как девиации поведения подростков) с позиций восприятия поведения обучающихся педагогами образовательных организаций (ментальная репрезентация поведения подростков в зависимости от фактора их пола и девиантного/просоциального типа поведения).

Методология и методы. В качестве методов сбора социологической информации использовались следующие: анкетный опрос, фокусированное интервью, тестирование. Далее полученные результаты обрабатывались методами математической обработки (дисперсионный факторный анализ по Фишеру (тип III SS, полиномиальный эффект)). Рассматривались влияния и взаимодействия факторов гендера и типа девиантного/просоциального поведения у подростков (через ментальную репрезентацию этого явления педагогами образовательных организаций). В исследовании приняли участие обучающиеся в возрасте от 13 до 17 лет в количестве 1 643 человека и 832 педагога.

Результаты и научная новизна. Было определено, что наиболее выраженными формами девиантного поведения современных подростков в восприятии педагогов образовательных организаций являются: (а) курение, (б) прогулы учебных занятий. Данное девиантное поведение подростков в возрасте 13–17 лет можно рассматривать как проявление индивидуальной аномии (в восприятии педагогов как «безнормие»). Структура девиантного поведения подростков «девиантной» группы отличается от структуры поведения подростков «просоциальной» группы большей версатильностью. Фактор гендера участников исследования оказывает значимое влияние на структуру восприятия педагогами образовательных организаций поведения подростков как в группе «девиантного», так и в группе «просоциального» типа поведения.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые девиантное поведение подростков рассмотрено как проявление индивидуальной аномии. Авторами была исследована структура девиантного поведения подростков в возрасте 13–17 лет (с дифференциацией по гендерному фактору) и выявлены особенности «нормы» поведения подростков РФ в восприятии педагогами образовательных организаций. Это позволяет выявить системообразующие факторы, оказывающие влияние на отнесение поведения подростка к категории «нормы/безнормности» (как проявления аномии), и рассмотреть механизмы ментальной репрезентации «девиантного/просоциального» типа их поведения педагогами образовательных организаций в зависимости от гендера.

Ключевые слова: девиантное/просоциальное поведение, подростки, индивидуальная аномия, фактор пола (гендерные различия), ментальная репрезентация, восприятие педагогами.

Благодарности. Авторы выражают благодарность коллективу МАОУ ДПО «Институт регионального развития образования» Свердловской области за длительное и плодотворное сотрудничество в исследовании данной темы и лично Т. А. Сундуковой, руководителю отдела мониторинга образования, за активное участие в сборе эмпирических данных, а также уважаемым рецензентам за проявленное внимание и ценные замечания по улучшению текста статьи.

Для цитирования: Усова О. В., Усов В. В., Костина Н. Б., Дуран Т. В. Девиантное поведение подростков как проявление индивидуальной аномии: социальный и гендерный аспекты проблемы // Образование и наука. 2021. Т.23, № 5. С. 164–192. DOI: 10.17853/1994-5639-2021-5-164-192

DEVIANT BEHAVIOUR OF ADOLESCENTS AS A MANIFESTATION OF INDIVIDUAL ANOMIE: SOCIAL AND GENDER ASPECTS OF THE PROBLEM

O. V. Usova¹, V. V. Usov², N. B. Kostina³

*Ural Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration, Ekaterinburg, Russia.
E-mail: ¹Ola_U@mail.ru; ²viktor1u@mail.ru; ³kostina-nb@ranepa.ru*

T. V. Duran

*University of Liege, Liege, Belgium;
Ural State University of Railway Transport, Ekaterinburg, Russia.
E-mail: tatyana.duran@hotmail.be*

Abstract. Introduction. The present paper continues the line of research related to the various forms of anomie in Russian society. In the proposed study, individual forms of anomie manifestation are considered on the example of deviant behaviour of adolescents (students aged 13–17 years old) depending on the gender and mechanisms of its perception by teachers of educational institutions (mental representation of the phenomenon).

The *aim* of the research is to identify the main forms of individual anomie (as deviant behaviour of adolescents) from the standpoint of the teachers' perceptions of student behaviour

(mental representation of the behaviour of adolescents, depending on the factor of their gender and deviant / prosocial type of behaviour).

Methodology and research methods. To obtain sociological data, the following methods were used: questionnaire survey, focused interview, testing. Further, the obtained results were processed by mathematical processing methods (the Fisher analysis of variance (type III SS, polynomial effect)). The influence and interaction of gender factors and the type of deviant/prosocial behaviour in adolescents (through the mental representation of this phenomenon by teachers of educational organisations) were considered. The current research involved 1643 students aged from 13 to 17 years old and 832 teachers.

Results and scientific novelty. As a result of the conducted research, it was determined that the most pronounced forms of deviant behaviour of modern adolescents in the perception of teachers of educational organisations are smoking and absenteeism. This deviant behaviour of adolescents aged 13–17 years old can be considered as the manifestation of individual anomie (in the perception of teachers as “abnormal”). The structure of adolescents’ deviant behaviour in the “deviant” group differs more from the structure of adolescents’ behaviour in the “prosocial” group. The gender factor of the research participants has a significant impact on the structure of teachers’ perception of the behaviour of adolescents in the group of “deviant” and “prosocial” types of behaviour.

The scientific novelty of the work lies in the fact that for the first time the authors of the study considered the deviant behaviour of adolescents as the manifestation of individual anomie. Moreover, for the first time, the authors investigated the structure of deviant behaviour of adolescents aged 13–17 years old (with differentiation by gender) and identified the features of the “norm” of behaviour of adolescents in the Russian Federation in the perception of teachers of educational organisations. This allows us to identify the system-forming factors, which influence the attribution of adolescent behaviour to the category of “norm/normality” (as manifestations of anomie), and to consider the mechanisms of teachers’ mental representation of the “deviant/prosocial” type of student behaviour, depending on gender.

Keywords: deviant/prosocial behaviour, adolescents, individual anomie, gender factor (gender differences), mental representation, teachers’ perception.

Acknowledgements. The authors express their gratitude to the staff of the Institute for Regional Development of Education of the Sverdlovsk Region for long-term and fruitful research collaboration. The authors gratefully acknowledge T. A. Sundukova, Head of the Education Monitoring Department, for her active participation in the collection of empirical data. Moreover, the authors would like to thank the reviewers for their attention and valuable comments on improving the text of the article.

For citation: Usova O. V., Usov V. V., Kostina N. B., Duran T. V. Deviant behaviour of adolescents as a manifestation of individual anomie: Social and gender aspects of the problem. *The Education and Science Journal*. 2021; 23 (5): 164–192. DOI: 10.17853/1994-5639-2021-5-164-192

Введение

В социологическом и психологическом дискурсе девиантное поведение тесным образом связано с понятием аномии. В качестве одной из форм социальной аномии рассматривается девиантное поведение подростков, в основе которого лежат особенности индивидуальной аномии представителей данной социальной группы. При этом имеет смысл рассматривать эти особенности в терминах сравнительного анализа. Основой данного анализа является сравнение восприятия педагогами поведения девиантных подростков с их восприятием поведения (ментальной репрезентацией) представителей этой же социальной группы – подростков, которые относятся к категории «просоциального» типа (и характеризуются педагогами как «норма»)¹.

С. Г. Кара-Мурза отмечал своей работе, что «Аномия – важная категория общей теории девиантного поведения. Причины, порождающие аномию, являются социальными (а не личностными и психологическими) и носят системный характер» [цит. по: 3, с. 5]. Следовательно, социальный фактор (отнесение подростка к категории девиантного либо просоциального типа поведения) со стороны педагогов образовательной организации может значимо повлиять на восприятие демонстрируемых обучающимися поведенческих реакций как «безнормие/норма».

Таким образом, актуальность настоящего исследования заключается в ряде существенных положений:

Во-первых, рассмотрение социальной аномии в терминах индивидуальной формы ее проявления (девиантного поведения) позволяет выявить основные механизмы формирования данного явления с последующей возможностью управлять им.

Во-вторых, понимание особенностей протекания индивидуальной аномии (девиантного поведения) у подростков не только способствует профилактике данного поведения в социальной группе (что имеет, согласно большинству исследований по рассматриваемой проблеме, низкую эффективность), но и помогает выстроить систему воспитательной работы в образовательной организации и в семье.

Выявление системообразующих факторов формирования у педагогов представлений о девиантном поведении подростков позволит, по нашему мнению, корректировать их представления о поведении молодежи.

В-третьих, понимание структуры девиантного поведения и сравнение его с поведенческими реакциями социальной «нормы» в идентичной возрастной социальной группе позволит расширить применение адекватных

¹ В настоящем исследовании базовым понятием «просоциальное поведение» является модель просоциального поведения, предложенная З. Линденбергом [1].

средств для решения педагогических и воспитательных задач в системе образования и институте семьи.

Исследования в данной области, доступные нам в литературе, носят фрагментарный и неполный характер. В нашей работе будет предпринята попытка преодоления этого разрыва.

Цель исследования – выявить основные формы проявления индивидуальной аномии (девиации поведения подростков) с позиций восприятия поведения обучающихся педагогами образовательных организаций (ментальная репрезентация педагогов поведения подростков) в зависимости от фактора пола.

Для достижения цели были использованы сравнительный анализ и методы математической обработки результатов авторского социально-психологического исследования, проведенного на территории Свердловской области РФ в 2016–2018 годах и продолженного в 2019–2020 годах. [2].

Были сформулированы следующие исследовательские вопросы:

1. Какова структура девиантного поведения современных подростков и чем она отличается от структуры поведения подростков «просоциального» типа в терминах ментальной репрезентации педагога?

2. Можно ли рассматривать девиантное поведение подростков (в восприятии педагогами) как форму проявления индивидуальной аномии и каковы особенности ее проявления в зависимости от пола подростков?

Гипотезой исследования служило предположение, что восприятие и структура «девиантного/просоциального» поведения подростков педагогами образовательной организации (ментальная репрезентация) будет зависеть от фактора отнесения их педагогами к девиантной/просоциальной группе и гендера обучающихся.

Обзор литературы

Аномия как социальное явление отличается от аномического состояния индивидов (хотя, очевидно, оно связано с обстановкой в обществе). Это проявляется как на формальном, так и на содержательном уровнях. Рассмотрим подробнее эти отличия.

Для обозначения «социальной» аномии используется дюркгеймовский вариант этого слова (*anomie*); для обозначения аномии «психологической» – термин, предложенный американским социологом Leo Srowl (*anomia*) [цит. по: 5, с. 52].

А. В. Плетнев утверждает, что «психологическая аномия» – это «состояние сознания», в котором чувство социальной сплоченности – движущая сила морали индивида – разрушается или совершенно ослабевает. Аномия

– духовная опустошенность, неизбежная тоска, которая толкает или к преступлению, или к алкоголю и наркотикам, или к самоубийству. Люди по-разному избегают этих крайних зол, но «проживают свои годы в состоянии глубокого душевного неблагополучия» [6, с. 98].

Р. М. MacIver определял аномию как «разрушение чувства принадлежности индивида к обществу» и связывал это явление с тремя «проблемными характеристиками современного демократического общества: (1) конфликтом культур, (2) капиталистической конкуренцией и (3) стремительностью социальных изменений» [7, с. 84].

Основываясь на этих трех отличительных характеристиках современного общества, Р. М. MacIver выделил три типа личностной аномии:

1. Жизнь индивидов становится бесцельной по причине отсутствия значимых ценностей.

2. Индивиды используют свою энергию и возможности только для себя.

3. Индивиды лишены значимых межличностных связей и взаимоотношений [Там же, с. 86].

Перечисленные нами характеристики описывают разрушительный эффект личностной аномии [5, 6]. Исключением является позиция Ж. М. Гюйо, который рассматривал аномию как положительное явление – «освобождение индивида от власти догматических предписаний со стороны социума» [8, с. 441].

М. А. Болдина и Ю. С. Никонов отмечают в своей работе, что «...среди наиболее распространенных поведенческих отклонений (и проявлением девиантного поведения – *прим. авторов*) подростков можно отметить дисциплинарные нарушения, прогулы, гиперактивное поведение, агрессивное поведение, оппозиционное поведение, курение, хулиганство, воровство, ложь» [9, с. 100].

С точки зрения этих авторов «признаками более масштабной – социальной дезадаптации в школьном возрасте могут выступать: регулярное употребление психоактивных веществ, сексуальные девиации, проституция, бродяжничество, совершение преступлений» [Там же, с. 101].

С опорой на анализ понятий «под девиантным поведением следует понимать: (1) систему поступков, отклоняющихся от принятых в обществе правовых, нравственных, эстетических норм, (2) проявляющихся в виде несбалансированности психических процессов, (3) неадаптивности, нарушении процесса самоактуализации, (4) в виде уклонения от нравственного контроля над собственным поведением» [Там же, с. 101].

А. И. Долгова и Т. В. Корнилова с соавторами рассматривают девиации с позиций форм и типов их проявления в подростковой среде, а так-

же изучают детерминизм данного явления [10; 11]. При этом в качестве детерминант девиантного поведения W. Chikwature, V. Oyedele, I. Ganyani выделяют следующие факторы: (1) экономический, (2) правовой, (3) психологический, (4) организационно-управленческий [12].

Описание девиации подросткового возраста подробно рассмотрено в работах Т. А. Мицык, А. В. Мардахаева, Е. А. Пруцковой, М. И. Мельниковой, Ю. Н. Гут и М. К. Кабардова [13–17]. Однако в них не отражено, как девиация связана с понятием социальной аномии.

Т. А. Мицык утверждает, что в рамках педагогического процесса применяются различные трактовки типологии поведения личности с отклонениями в поведении. В общеобразовательной школе одной из распространенных форм девиантного поведения является «педагогическая запущенность» [13, с. 130].

Наряду с этим, в данных исследованиях слабо отражены содержательные характеристики важного понятия «нормы» поведения обучающихся с позиции изучения проявления у них индивидуальной аномии (девиантного поведения). Отметим, что Е. Durkheim был убежден, что для «общества девиация является естественной, как и конформизм, и отклонение от нормы несёт в себе не только отрицательное, но и положительное начало, поскольку отклонение от норм подтверждает значимость норм, правил, ценностей, показывает их многообразие, способствует социальному изменению, совершенствованию социальных норм, уточняет их границы» [18, с. 273].

В настоящем исследовании при рассмотрении в качестве базового понятия термина «социальная норма» (как отражение противоположного понятия социальной аномии – «безнормие»), мы придерживаемся определения, предложенного А. В. Мардахаевым: «Социальные нормы – официально установленные или сложившиеся под воздействием социальной практики нормы и правила общественного поведения и проявления человека в конкретно-исторических условиях жизни общества. Они определяют сложившиеся или установленные стандарты поведения личности в группе, соблюдение которых выступает для индивида необходимым условием взаимодействия» [14, с. 168–169]. При этом базовое понятие «девиация» как проявление индивидуальной аномии, согласно Е. А. Пруцковой, будет иметь следующие смыслы: «социальное отклонение в развитии и воспитании человека и определенных групп, и изучение возможности его предупреждения и преодоления» [15, с. 12].

М. И. Мельникова подчеркивает, что «ряд учёных (Е. Durkheim, R. Merton, N. Smelser, T. Shibutani и др.) определяет девиантность соответствием или несоответствием социальным нормам-ожиданиям. Следовательно, девиантным является поведение, не удовлетворяющее социальным ожиданиям данного общества» [цит. по: 16, с. 26–27].

Таким образом, как мы можем заметить, социологическая наука на сегодняшний день накопила богатый опыт исследований по различным видам отклонений в поведении, которые можно рассматривать как проявление индивидуальной аномии. В работах ряда исследователей, например О. А. Зигмунт, Д. Энциманн, О. Siegmunt, P. Wetzels, подробно исследуются различные аспекты проблемы девиантного поведения [19, 20]. Но, тем не менее, данная проблема требует постоянного внимания к себе и дальнейшего изучения специалистами различных отраслей науки, т. к. девиации имеют тенденцию к постоянной трансформации.

Ценным вкладом в разработку данной проблематики является не только и не столько психодиагностика отклоняющегося поведения, сколько разработка комплексного представления о девиантном поведении с позиции его проявления в обществе и восприятия этого поведения педагогами – как носителями образцов для подражания¹.

Также необходимо отметить, что, по мнению О. Д. Долгицкого, рост числа гендерных девиаций в поведении школьников является одной из заметных тенденций современного российского общества, характеризующегося социальным расслоением, нивелированием традиционных нравственных ориентиров, внедрением в массовое сознание культа силы и насилия, эгоцентризма и ксенофобии, кризисом семьи, потерей ее как ячейки общества [22].

В создавшихся условиях проблема профилактики гендерных девиаций в поведении учащихся приобретает особую актуальность и становится важнейшим направлением эмпирических и теоретических изысканий. Исследования по данной проблеме восходят к трудам зарубежных ученых W. Chikwature, V. Oyedele, I. Ganyani, O. Siegmunt, P. Wetzels [26], предпринявших как изучение структуры девиантного поведения подростков, так и сравнительный анализ проявления девиации в подростковой среде в зависимости от страны проживания.

Наиболее продуктивные из этих исследований, выполненные в рамках социологического подхода, содержат анализ роли неблагополучной социальной среды как причинного фактора гендерных девиаций в поведении личности с учетом того, что для подобной среды характерны социальная дезорганизация, бедность и экономическая зависимость, отсутствие устойчивых стандартов поведения [26].

О. Д. Долгицкий отмечает, что «если исходить из тезиса о том, что онтогенез индивида повторяет филогенез общества, можно предположить, что в процессе социализации в условиях нарушенного равновесия между

¹Девиантность и социальный контроль в России (XIX – XX вв.): Тенденции и социологическое осмысление. / Отв. редактор Л. И. Гилинский. Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. С. 384.

социальными институтами люди не могут овладеть передовыми способами производства, организации семьи и образования. В результате данные индивиды проявляют девиантное поведение» [23, с. 105].

В то же время, если данных индивидов в обществе становится большинство, то его можно признать аномичным. Это позволяет нам выделить в качестве предмета изучения аномии степень причастности индивидов к нарушению социальных норм. Кроме того, проведенное нами исследование позволит обозначить аномию на индивидуальном уровне и рассмотреть отличия проявления аномии в «девиантной» и «просоциальной» группах подростков в зависимости от их гендера.

По мнению Н. А. Фоминой и О. В. Теняевой, именно через фактор гендера в социуме определяется совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их пола и воспринимает их поведение как «норму, либо безнормие» [21].

Значимую роль в этом восприятии имеет, по нашему мнению, ментальная репрезентация. При этом «девиантное/просоциальное поведение» в нашем исследовании будет означать ментальную модель (согласно теории фреймов S. Lindenberg, это вид управляющей мышлением и действием ментальной репрезентации, основная функция которой и состоит в том, чтобы позволить индивиду (в нашем исследовании – педагогам) придавать смысл различным аспектам социального мира). «Важно отметить, что ментальная модель намного шире социальной нормы и социальной установки, т. к. она учитывает и систему отношений, ожиданий, согласований (к примеру, социальная норма содержит в себе только правила, ментальная модель должна ответить на вопрос «Какое поведение будет соответствовать данной ситуации?») [цит. по: 1, с. 49].

W. Chikwature, V. Oyedele и I. Ganyani в своем исследовании отмечают, что девиантное поведение, демонстрируемое подростками в школе, оказывало значительное влияние на показатели академической успеваемости обучающихся [12]. Однако авторы не рассматривали гендерный аспект, который может оказать значимое влияние на протекание изучаемого нами явления. В нашем исследовании мы сосредоточим наше внимание на влиянии этого фактора и на взаимодействии факторов пола и особенностях восприятия педагогами поведения подростков как девиантного/просоциального с позиции индивидуальной аномии.

L. R. Muftić через изучение развития теории институциональной аномии рассматривал на микроуровне взаимосвязи между культурой, социальными институтами и отклонениями в поведении субъектов. Автор пришла к выводу, что изучаемые ею аспекты представляют собой элементы одной системы [27]. Кроме того, согласно утверждениям L. R. Muftić, теория аномии позволяет

объяснить на индивидуальном уровне девиантное поведение с помощью исследования и рассмотреть незначительных форм отклонения от социальной нормы через соответствующие показатели. Мы солидарны с данным автором и предпринимаем в настоящей работе попытку реализовать эту возможность.

Методология, методы и материалы

Исследование выполнено в традициях системного подхода и выявления значимых влияний фактора гендера на восприятие педагогами структуры девиантного поведения подростков.

В данном исследовании приняли участие обучающиеся 88 образовательных организаций¹ в возрасте от 13 до 17 лет (7–11 классы, возрастной $M = 14,68$ лет, $SD = 1,23$ года) в количестве 1 643 человека (919 юношей и 724 девушки). Данные обучающиеся представляли две основные группы – с девиантным (553 подростка-юноши и 255 подростков-девушек) и просоциальным (364 подростка-юноши и 499 подростков-девушек) типами поведения (в восприятии педагогами образовательных организаций). Основные характеристики поведенческих реакций и типа поведения подростков были получены в ходе проведения опроса педагогов (классных руководителей) участников исследования. В опросе педагогов приняло участие 832 педагога (средний возраст участников исследования в диапазоне от 25 до 57 лет ($M = 47,5$ года, $SD = 10,3$ года), стаж работы по специальности от 11 лет до 30 лет и выше ($M = 22,6$ лет, $SD = 10,1$ года), квалификационная категория не ниже первой, стаж работы классным руководителем от 3 лет и выше.

Характеристика выборки при проведении социологического исследования: многоступенчатая квотная выборка.

При формировании выборочной совокупности обучающихся на последней ступени отбора использовался метод отбора «типичных представителей». От всех участников и родителей обучающихся было получено согласие на исследование.

В качестве методов сбора *социологической информации* использовались анкетный опрос, фокусированное интервью, тестирование.

Сбор *первичной социологической информации* осуществлялся методом анкетного опроса обучающихся 7–11 классов, их классных руководителей, заполнением «Карт личности школьников 7–11 классов», а также проведением фокусированного интервью с педагогическими работниками, являющимися классными руководителями обучающихся 7–11 классов (23 человека). В настоящем исследовании подвергнуты обработке только результаты опро-

¹ Ограничение исследования: данные приведены по результатам исследования в Свердловской области, РФ.

са классных руководителей (как отражение их ментальной репрезентации девиантного/просоциального поведения подростков).

В качестве метода обработки информации была применена компьютерная обработка с использованием инструментов MS Excel, IBM SPSS, «Statistic for Windows 5.5».

Показателями исследования были выявлены следующие группы переменных: критерии девиантной/просоциальной формы поведения подростков 13–17 лет и восприятие педагогами демонстрируемого поведения через нарушение (или) соблюдения норм и правил поведения в образовательной организации, а также гендерные различия обучающихся (фактор пола участников исследования).

Результаты исследования

Изложение результатов исследования определяется постановкой исследовательских вопросов и доказательством гипотетического предположения, выдвинутого авторами. В связи с этим, логика изложения результатов дисперсионного анализа (ANOVA / MANOVA) определяется через выявление структуры девиантного поведения подростков в восприятии педагогами обучающихся «девиантной и просоциальной» групп, затем – предоставление результатов, определяющих влияние и взаимодействие фактора гендера на восприятие педагогами поведения подростков как «норма и безнормие» (в терминах проявления индивидуальной аномии).

Влияние фактора «девиантного/просоциального» типа поведения участников исследования (факторный дисперсионный анализ (по Фишеру)). Нами были выявлены значимые различия выраженности показателей форм девиантного поведения подростков в группах с «девиантным и просоциальным» типом поведения (в восприятии педагогами образовательных организаций). Значения показателей «Формы девиантного поведения» в группах подростков и их различия отражены в табл. 1.

Согласно проведенному исследованию, фактор группы участников исследования (подростки с «девиантным» и «просоциальным» типом поведения) взаимодействовал с фактором форм проявления девиантного поведения и оказал значимое влияние на их показатели, $F(7,14) = 189,48$; $p < .0001$. Это означает, что показатели форм проявления девиантного поведения (в восприятии педагогами образовательных организаций) значимо изменяются в зависимости от принадлежности подростка к группе «девиантного» или «просоциального» типа поведения. Показатели девиантного типа поведения (в восприятии педагогов) были значимо выше в группе девиантных подростков, чем в группе подростков, которых педагоги относят к категории «просоциального» типа.

Таблица 1

Влияние фактора группы подростков на показатели форм девиантного поведения (ANOVA, средние значение и (стандартные отклонения))

Table 1

Influence of the factor of a group of adolescents on the indicators of forms of deviant behaviour (ANOVA, mean values and (standard deviations))

Показатели форм девиантного поведения	Группа подростков		Уровень значимости различий (межгрупповой дизайн)
	Девиантное поведение (n = 778)	Просоциальное поведение (n = 863)	
Курение	.35 (.47)	.17 (.26)	p<.0001
Употребление алкоголя	.12 (.32)	.02 (.16)	P<.0001
Употребление наркотиков	.019 (.13)	.02 (.16)	P>.01
Порча имущества и хулиганство	.04 (.10)	.003 (.05)	P<.0001
Побег из дома	.08 (.27)	.01 (.13)	P<.0001
Прогулы учебных занятий	.33 (.47)	.07 (.26)	P<.0001
Драки и агрессивное поведение	.12 (.33)	.01 (.13)	P<.0001
Воровство	.05 (.23)	.01 (.12)	P<.0001

Примечание: Взаимодействие факторов группы и показателей форм девиации на поведение подростков $F(7,14) = 189,48$; $p < .0001$.

Note: Interaction of group factors and indicators of deviation forms on adolescent behaviour $F(7.14) = 189.48$; $p < .0001$.

Post hoc сравнения (здесь и далее – LSD-тест) свидетельствовали, что наиболее высокие значения форм восприятия педагогами девиантного поведения у подростков были выявлены по показателям: «Курение» и «Прогулы учебных занятий» ($p < .30$). При этом частотные характеристики по выраженности данных показателей в группе подростков девиантного и просоциального поведения не имели значимых различий. Это означает, что показатели: «Курение» и «Прогулы учебных занятий» являются наиболее частыми причинами «приписывания» проявления девиантного поведения подросткам в возрастной категории 13-17 лет в восприятии педагогов образовательной организации. Далее по частотным характеристикам проявления форм девиантного поведения у подростков следуют употребление алкоголя, драки и агрессивное поведение, побег из дома, воровство, порча имущества и употребление наркотических и психоактивных веществ.

Полученные результаты данной части исследования приведены на рис. 1–3.

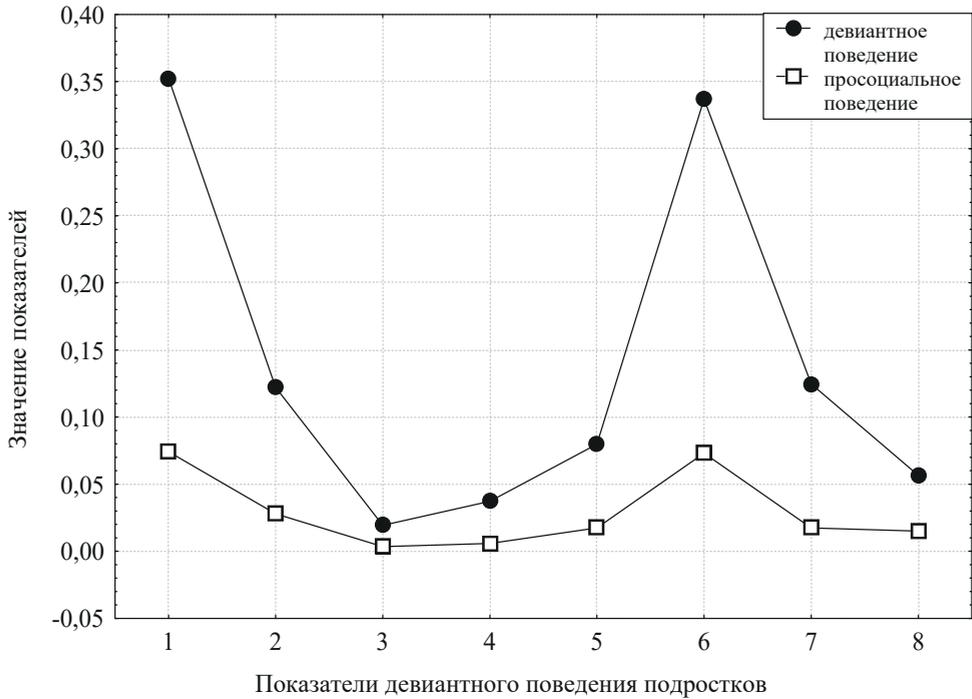

Рис. 1. Влияние факторов группы участников исследования на показатели форм проявления девиантного поведения подростков

Fig. 1. Influence of factors of the group of research participants on the indicators of forms of manifestation of deviant behaviour in adolescents

Примечание: Условные обозначения показателей девиантного поведения подростков: 1 – **курение**, 2 – употребление алкоголя, 3 – наркотики, 4 – порча имущества и хулиганство, 5- побег из дома, 6 – **прогулы** учебных занятий, 7 – драки и агрессивность, 8 – воровство.

Note: Legend of indicators of deviant behavior of adolescents: 1 - smoking, 2 - alcohol consumption, 3 - drugs, 4 - damage to property and hooliganism, 5 - runaway, 6 - absenteeism, 7 - fighting and aggressiveness, 8 - theft.

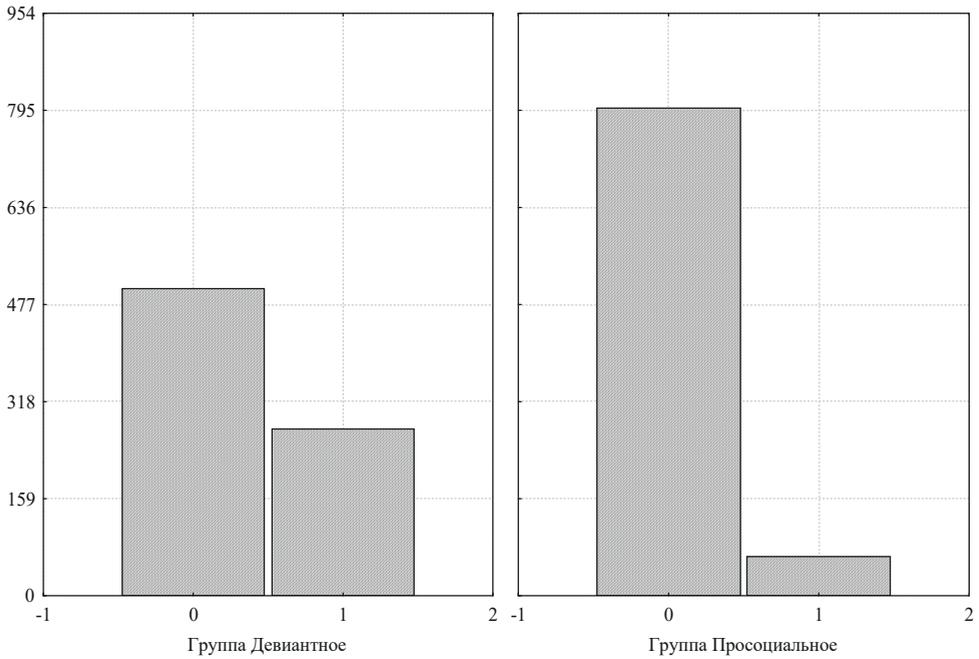

Рис. 2. Влияние фактора типа поведения подростка на выраженность показателя формы поведения «Курения»

Fig. 2. Influence of the factor of the type of adolescent behaviour on the severity of the indicator of the form of behaviour "Smoking"

Примечание: Ось абсцисс – количество участников исследования; 0 – не курят, 1 – курят.

Note: The abscissa is the number of study participants; 0 – do not smoke, 1 – smoke.

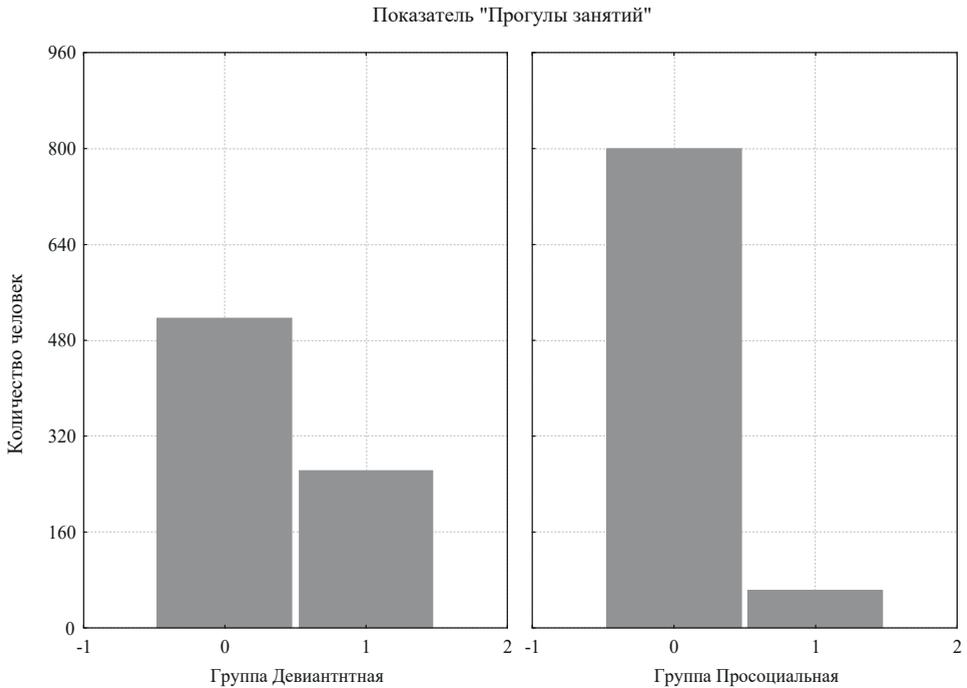

Рис. 3. Влияние фактора «Группа участников исследования (девиантный/просоциальный тип поведения)» на показатель формы девиантного поведения «Прогулы учебных занятий»

Fig. 3. Influence of the factor “Group of research participants (deviant/prosocial type of behaviour)” on the indicator of the form of deviant behaviour “Absenteeism”

Примечание: 0 – не прогуливают учебные занятия, 1 – прогуливают учебные занятия систематически.

Note: 0 – do not skip training sessions, 1 – systematically skip training sessions.

Взаимодействие факторов девиантного/просоциального типа поведения и гендерных различий участников исследования. Нами также были выявлены значимые взаимодействия показателей гендера (мужской / женский пол) участников исследования и их отнесение педагогами образовательных организаций к «девиантному» и «просоциальному» типу поведения на восприятие форм проявления девиантного поведения подростков. Полученные результаты данной части исследования представлены в табл. 2.

Таблица 2

Взаимодействие факторов гендера и типа девиантного/просоциального поведения подростков в возрасте 13–17 лет в восприятии педагогами образовательных организаций (3-х факторный ANOVA / MANOVA, средние и (стандартные отклонения))

Table 2

Interaction of gender factors and the type of deviant/prosocial behaviour in adolescents aged 13–17 old (3-factor ANOVA / MANOVA, mean and (standard deviations))

Показатели форм проявления девиантного поведения	Группа участников исследования (n = 1641)			
	Девиантная		Просоциальная	
	Мужской пол (n=553)	Женский пол (n=225)	Мужской пол (n=364)	Женский пол (n=499)
Курение	.39(.48)	.24(.41)	.11(.31)	.04(.20)
Употребление алкоголя	.12(.33)	.11(.32)	.04(.21)	.01(.11)
Употребление наркотиков	.02 (.16)	.00 (.00)	.005(.07)	.002(.04)
Порча имущества и хулиганство	.05 (.22)	.00(.00)	.01(.11)	.00(0)
Побег из дома	.06 (.25)	.11 (.31)	.02(.14)	.01(.11)
Пропулы учебных занятий	.37(.48)	.24(.42)	.10(.30)	.05(.22)
Драки и агрессивное поведение	.13(.34)	.10(.21)	.02(.16)	.01(.09)
Воровство	.05 (.23)	.04(.22)	.02(.16)	.01(.02)

Примечание: Взаимодействие фактора пола и типа поведения подростков (девиантный/просоциальный) в восприятии педагогами на показатели форм девиантного поведения, $F(7,11) = 4.06$; $p < .0002$.

Note: Interaction of the gender factor and the type of adolescent behaviour (deviant/prosocial) on the indicators of forms of deviant behaviour, $F(7.11) = 4.06$; $p < .0002$.

Согласно данным, отраженным в табл. 2, взаимодействие факторов гендера и группы участников исследования оказало значимое влияние (эффекты) на показатели форм проявления девиантного поведения подростков в возрасте 13–17 лет, $F(7,11) = 4.06$; $p < .0002$. Это означает, что в зависимости от пола как в группе девиантного, так и в группе просоциального типа поведения, согласно ментальной репрезентации педагогов поведения подростков, обучающиеся проявляют различные формы девиации. Полученные результаты этой части исследования отражены на рис. 4.

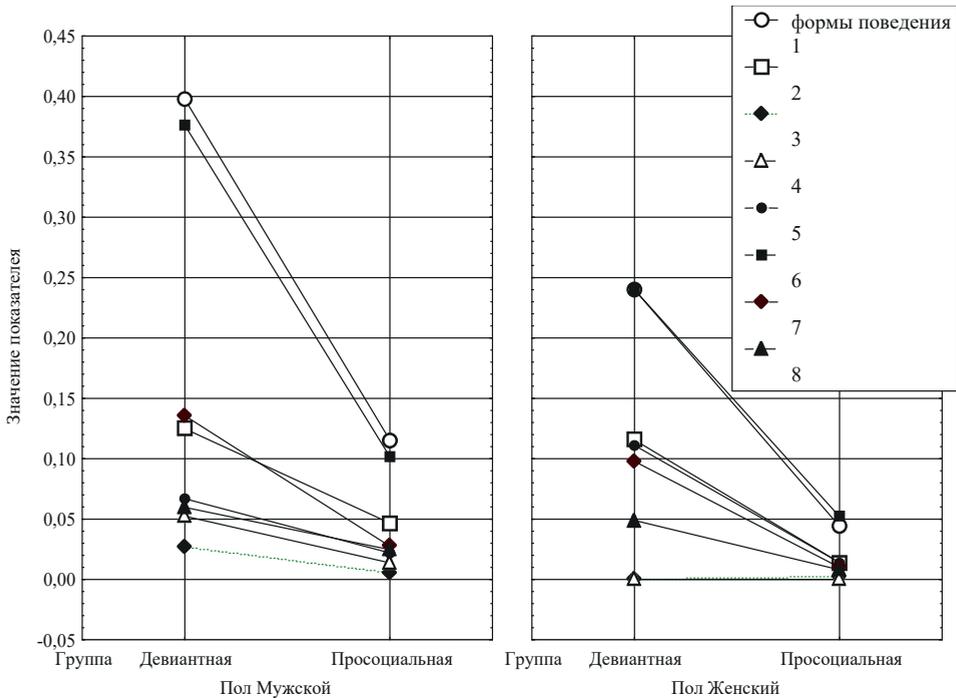

Рис. 4. Влияние фактора гендера на показатели форм проявления девиантного поведения подростков в восприятии педагогами в группе с девиантным и просоциальным типами поведения участников исследования

Fig. 4. Influence of the gender factor on the indicators of forms of manifestation of deviant behavior in adolescents in the group with deviant and prosocial types of behavior of the study participants

Примечание: Условные обозначения показателей девиантного поведения подростков: 1 – курение, 2 – употребление алкоголя, 3 – наркотики, 4 – порча имущества и хулиганство, 5 – побег из дома, 6 – прогулы учебных занятий, 7 – драки и агрессивность, 8 – воровство.

Note: Legend of indicators of deviant behavior of adolescents: 1 – smoking, 2 – alcohol consumption, 3 – drugs, 4 – damage to property and hooliganism, 5 – runaway, 6 – absenteeism, 7 – fighting and aggressiveness, 8 – theft.

Post hoc сравнения свидетельствовали, что фактор пола участников исследования оказал значимое влияние на показатели восприятия педагогами девиантного поведения как в группе подростков-юношей, так и девушек в обеих группах участников (девиантного и просоциального типа).

Значимые различия выраженности форм проявления девиантного поведения были определены по следующим показателям:

(1) «Курение» (в группах с девиантным и просоциальным типом восприятия поведения подростков ($p < .0001$)). Следует отметить, что данный показатель был значимо выше в группе юношей, чем девушек с девиантным типом поведения; девушек с девиантным типом поведения, чем юношей с просоциальным типом поведения. Также показатель «Курение» был значимо выше у юношей с просоциальным типом поведения, чем девушек с просоциальным типом поведения ($p < .0001 \pm .00001$).

(2) «Прогулы учебных занятий» (в группах с девиантным и просоциальным поведением) ($p < .0001$). Значение показателя «Прогулы учебных занятий» были выше в группе юношей с девиантным типом поведения, чем юношей и девушек с просоциальным типом поведения и девушек с девиантным типом поведения ($p < .0001 \pm .00001$).

(3) Показатель «Драки и агрессивное поведение» был значимо выше в группе подростков с девиантным типом поведения, чем в группе с просоциальным типом ($p < .0001 \pm .00001$). Внутри группы с девиантными просоциальным типом поведения подростков значимых различий по фактору пола не выявлено.

(4) По показателю «Употребление алкоголя» значимые различия были определены в группе с девиантным и просоциальным типом поведения подростков (как среди юношей, так и среди девушек) ($p < .0001 \pm .00001$). При этом, внутри группы (с девиантным и просоциальным типом поведения) между юношами и девушками значимых различий в значении показателя «Употребление алкоголя» выявлено не было. Значение показателя «Употребление алкоголя» было значимо выше в группе подростков с девиантным типом поведения ($p < .0001$).

(5) Также значимыми были различия в группах участников по показателю «Побеги из дома». Значимо выше данный показатель был выражен у девушек с девиантным типом поведения, чем у юношей с девиантным типом поведения и юношей и девушек с просоциальным типом поведения ($p < .0001 \pm .00001$).

Итак, можно сделать промежуточные выводы, что фактор пола участников исследования оказывает значимое влияние на восприятие педагогами следующих показателей форм проявления девиантного поведения: «Курение», «Прогулы учебных занятий», «Драки и агрессивное поведение», «Употребление алкоголя» в группе подростков с девиантным типом поведения. По показателю «Побеги из дома» значение показателя было выше среди девушек-подростков с девиантным типом поведения, чем в других группах участников исследования.

Таким образом, проведенное нами исследование позволяет сформулировать следующие выводы по эмпирической части:

Фактор группы подростков (с девиантным и просоциальным типами поведения) оказал влияние на показатель «Структуры и проявление девиантного поведения» у подростков 13–17 лет». При этом показатель структуры девиантного поведения в восприятии педагогов образовательных организаций имел значимые различия у подростков девиантной и просоциальной группы по всем формам проявления девиантного поведения, кроме показателя «Употребление наркотиков».

Формы проявления девиантного поведения «Курение» и «Прогулы учебных занятий» в восприятии педагогов были одинаково присущи на высоком уровне как подросткам с девиантным, так и с просоциальным типами поведения. Далее в структуре девиантного поведения следуют: «Употребление алкоголя», «Драки и проявление агрессии», «Побеги из дома», «Порча имущества» и «Употребление наркотических средств» (эмпирическое свидетельство в пользу выдвинутой гипотезы).

Фактор группы подростков (девиантное/просоциальное поведение) в восприятии педагогов оказал значимое влияние на показатель «Драки и агрессивное поведение». Причем, в ментальной репрезентации педагогов драки и агрессивное поведение в группе с девиантным типом поведения свойственны как юношам, так и девушкам при высоких значениях проявления. Данный тип поведения значимо выше у подростков группы с девиантным типом поведения, чем у подростков с просоциальным типом вне зависимости от пола.

Фактор гендера и группы участников исследования (девиантный/просоциальный тип поведения) взаимодействовали и оказывали совместное влияние на показатели форм проявления девиантного поведения подростков. Так, было определено, что по показателю «Курение» и «Употребление алкоголя» в восприятии педагогов были выявлены значимые различия между юношами и девушками в группе с девиантным и просоциальным поведением, однако не было выявлено значимых различий между группой девушек и юношей в группе с девиантным поведением. В группе с девиантным типом поведения показатели «Курения» и «Употребление алкоголя» были значимо выше как у юношей, так и у девушек, чем в группе с «просоциальным» типом поведения. По показателю «Прогулы учебных занятий» значимые различия были выявлены в группе юношей с девиантным типом поведения, чем у девушек и юношей с просоциальным типом поведения. Однако стоит отметить, что показатель «Прогулы учебных занятий» был значимо выше у девушек с девиантной формой поведения, чем у подростков в группе с просоциальным типом поведения. Однако данный показатель был значимо ниже

у девушек с девиантным типом поведения, чем у юношей этой же группы.

Фактор гендера оказал также значимое влияние на показатель «Побег из дома». Данный показатель был значимо выше у подростков-девушек с девиантным типом поведения, чем у юношей из этой же группы и подростков из группы с просоциальным типом поведения (вне зависимости от пола) (дополнительное эмпирическое свидетельство в пользу выдвинутой гипотезы).

Обсуждение результатов исследования

Полученные нами результаты исследования можно интерпретировать по нескольким линиям.

Во-первых, по линии влияния фактора «группы» участников исследования на основные показатели форм проявления девиантного поведения подростков в восприятии педагогов как проявление индивидуальной аномии.

По мнению А. И. Долговой, «девиантность как социальное явление связана с жизнедеятельностью реального, конкретного, существующего общественного организма, отражает экономические и социально-политические процессы. Эта позиция отражает социологизаторский подход в объяснении причин отклоняющегося поведения, согласно которому отклонения в поведении имеют прямую зависимость от социальных условий существования людей» [10, с. 5]. В этом смысле девиантное поведение подростков в восприятии педагогами можно рассматривать как проявление индивидуальной аномии (т. к. данное восприятие, прежде всего, сопряжено с понятием «норма поведения» в образовательной организации).

Нами было определено, что структура девиантного поведения в восприятии педагогами в группах с девиантным и просоциальным поведением подростков имеет схожие характеристики по показателям «Курение» и «Пропуск учебных занятий». Это означает, что данные формы девиации согласно ментальной репрезентации педагогов присущи как девиантному, так и просоциальному типу поведения подростков и воспринимаются ими как однозначное нарушение «норм».

Однако в восприятии педагогов данная индивидуальная аномия (безнормность) в поведении подростков имеет свои разграничения и, несмотря на схожие способы проявления, не является системообразующим фактором отнесения подростков к группе безусловных девиантов, либо к просоциальной группе. Таким образом, нарушение норм поведения (курение и прогулы занятий) не сопряжены с восприятием педагогами данного типа поведения как индивидуальная аномия. Это подтверждает выводы В. И.

Курбатовой о том, что внешние и внутренние стороны одного и того же поведения могут не совпадать [24, с. 218]. Следовательно, педагоги в своем восприятии подростка как «девианта» или с позиции «нормальности» его поведения (укладывающегося в понятие «приемлемой нормы») опираются на дополнительные факторы. Как мы уже отмечали [2, с. 135–136] к таким факторам могут быть отнесены: (1) тип семьи подростка («благополучная/неблагополучная»), а также (2) восприятие педагогами социальных условий воспитания подростка в семье (формальные признаки отнесения семьи к «обеспеченной», «полной» и социальная статусность родителей – их образование и профессия).

Изучение механизмов «приписывания» типа поведения (девиантного/просоциального) подростку педагогами, несмотря на демонстрируемое им поведение, является увлекательной перспективой нашего дальнейшего исследования.

По мнению А. С. Выготского, «понятие нормы принадлежит к числу самых трудных и неопределенных научных представлений. В действительности не существует никакой нормы, но встречается бесчисленное множество различных вариаций, уклонений от нее, и часто очень трудно сказать, где уклонение переходит те границы, за которыми начинается область нормального» [цит. по: 23, с. 15].

Согласно определению Е. Durkheim, регулятором поведения человека выступают нормы и правила в обществе. «Отсутствие четко определенных норм и правил поведения порождает моральную неустойчивость индивида» [17, с. 82] и, как следствие, проявление данной неустойчивости в виде девиантного (аномичного) поведения.

Необходимо отметить, что данный механизм свойственен для проявления девиантного поведения подростков не только в современном российском обществе, но и в европейских странах [19–20].

Таким образом, результаты нашего исследования согласуются с выводами М. Э. Паатова и соавторов: «девиантное поведение формируется под влиянием негативного формирования смысловой картины мира подростка и его неспособности управлять своим поведением и эмоциональным состоянием» [27, с. 23] вне зависимости от социально-средовых условий.

Также можно говорить и том, что наряду с так называемым «нормальным» (массовым, средним) подростком с просоциальным типом поведения существуют «комбинированные, или смешанные» формы девиации (как попытка проявления подростком собственной индивидуальности) [26].

Выявленный нами факт, что не существует значимых различий по форме проявления девиантного поведения «Употребление наркотических веществ» между подростками девиантной и просоциальной группы в вос-

приятию педагогов свидетельствует о том, что нарушение данной нормы одинаково свойственно для обеих групп.

Таким образом, мы солидарны с рядом авторов [12, 15, 27], что, с одной стороны, под девиантным поведением подростков (социальная дезадаптация пассивного типа) можно понимать поведение, отклоняющееся от морально-нравственных норм человеческого общежития и проявляющееся в различных формах социальной патологии (таких как курение и прогулы учебных занятий). С другой стороны, девиантное поведение подростков является следствием негативного формирования личности под воздействием индивидуально-типологических психологических факторов в подростковом возрасте и асоциальной направленности ближайшего социального окружения [16, 18].

Во-вторых, по линии структуры и различий в проявлении девиантного поведения.

Проведенное исследование выявило различия в структуре девиаций подростков девиантной и просоциальной групп в восприятии педагогами по показателям «Употребление алкоголя», «Драки и проявление агрессии», «Побеги из дома», «Порча имущества». При этом все значения показателей в группе девиантного поведения были значимо ниже, чем в группе с просоциальным типом поведения. Следовательно, в восприятии педагогов подростки с девиантным типом поведения чаще употребляют алкоголь, проявляют физическую агрессию, побеги из дома и совершают больше повреждений чужого имущества. Выявленная нами версатильность¹ является индикатором девиантного разнообразия поведения подростков из девиантной группы и показывает их готовность проявлять различные виды отклоняющегося поведения, не свойственные (или свойственные в значительно меньшей мере) подросткам из просоциальной группы. В данной части исследования наши результаты также согласуются с выводами О. Зигмунд и D. Enzmann, которые утверждают, что российские несовершеннолетние более немецких сверстников специализируются на определенных девиациях [19, с. 179].

В-третьих, по линии гендерных различий в структуре девиантного поведения подростков (в восприятии педагогами)

Мы определили, что в восприятии педагогами нарушение социального поведения – феномен, часто встречающийся в процессе развития детей и подростков в зависимости от гендера. Причем структура девиантного поведения юношей и девушек в различных группах подростков (с девиантным и просоциальным типом) будет также значимо отличаться друг от друга.

Нами было определено, что для юношей из девиантной группы наиболее частыми формами проявления девиантного поведения являются следующие

¹ Версатильность – изменчивость, переменчивость, разнообразие.

щие: курение, прогулы, драки и проявление физической агрессии, алкоголь. В то время, как для девушек этой же девиантной группы – курение, прогулы занятий, алкоголь, побеги из дома, драки и агрессивность. Для юношей из просоциальной группы – курение, прогулы занятий, употребление алкоголя. Для девушек из просоциальной группы формами девиантного поведения являются прогулы и курение.

Полученные нами результаты согласуются с результатами исследователей [20, 28]. Мы также можем утверждать, что девушки в проявлении девиантного поведения менее версатильны, чем юноши. Однако следует отметить, что между собой (в группах с девиантным и просоциальным типом поведения) версатильность девушек различается на высоком статистическом уровне. У юношей же структура девиантного поведения и в той и другой группе является идентичной.

Н. А. Фомина, О. В. Теняева связывали это с гендерной спецификой ответственности подростков с девиантным поведением, которая заключается в большем стремлении девочек проявлять ответственность, доминировании у них осмысленности, продуктивности этого свойства в предметной сфере, несмотря на экстернальную регуляцию и операциональные трудности, и слабой выраженности стремления выполнять ответственные поручения у мальчиков при выраженности продуктивности и экстернальности, как и у девочек. Также авторами были выявлены у девушек более высокие показатели социоцентричности, осмысленности и интернальности, чем у юношей [21, с. 14].

Заключение

Девиантное поведение подростков является трансформирующимся понятием. В данной трансформации задействованы и процессы социальной аномии (когда чувство социальной сплоченности – движущая сила морали индивида – разрушается или совершенно ослабевает). В свою очередь, индивидуальная аномия (в том числе девиантное поведение) размывает нормативность общества. В этом смысле изучение структуры девиантного поведения требует постоянного отслеживания в контексте взаимообусловленного влияния (том числе в различных странах, культурах, обществах и социальных группах).

Проведенное нами исследование позволяет получить эмпирический материал для сравнительного анализа как девиантного поведения подростков (в различных странах), так и для сравнения понятия «нормы/девиации» среди групп подростков в России. Значимым результатом настоящей

го исследования явилось отражение структуры девиации подростков через призму восприятия данного явления непосредственно педагогами, которые осуществляют процесс обучения и воспитания. Мы выявили факт, что восприятие педагогами девиантного поведения подростков зависит от ряда их профессиональных установок, которые связаны с отношением подростка к девиантной, либо просоциальной группе, а также связаны с гендерной принадлежностью обучающихся. Нами также определено, что структура девиации у подростков в зависимости от пола участников исследования также носит различный характер. Объединяющими факторами явились факторы «Курение» и «Прогулы учебных занятий»: педагоги, вне зависимости от отношения участников исследования к группе девиантного/просоциального поведения, воспринимают подростков как отклоняющихся от социальной нормы. Соответственно можно говорить, что курение и прогулы занятий выступают в качестве проявлений индивидуальной аномии в поведении подростков в целом. В то же время выявленная специфичность девиантного поведения у подростков-девушек, которая проявляется в побегах из дома, свидетельствует о проявлении индивидуальной аномии для категории девушек из группы девиантных подростков и не характерна для восприятия педагогами поведения всей группы подростков-девушек. Результаты нашего исследования показывают, что для современной науки наибольшим эвристическим потенциалом обладают теории аномии личности. Другим важным результатом исследования является вывод о том, что аномия может иметь несколько источников возникновения и различные формы проявления (в том числе социальную и индивидуальную).

Таким образом, проведенное нами исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

Девiantное поведение подростков в возрасте 13–17 лет можно рассматривать как проявление индивидуальной аномии (в восприятии педагогов как «безнормие»). Это касается таких форм проявления девиации, как: курение, прогулы занятий и употребление наркотических веществ.

Структура девиантного поведения у подростков девиантной группы имеет значимые отличия от структуры поведения подростков просоциальной группы. Структура девиантного поведения подростков девиантной группы отличается большей версатильностью от структуры поведения подростков просоциальной группы.

Фактор гендера участников исследования оказывает значимое влияние на структуру восприятия поведения подростков как в группе девиантного, так и просоциального типа поведения. Выдвинутая нами гипотеза получила эмпирическую поддержку.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ковригина Г. Д. Социальная солидарность в теории фреймов З. Линденберга // Вестник развития науки и образования. 2018. № 9. С. 47–53.
2. Усова О. В., Чевтаева Н. Г., Никитина А. С., Скаво К. Социальная репрезентация благополучия/неблагополучия современной российской семьи и поведение обучающегося: восприятие явления педагогами // Образование и наука. 2020. Т. 22. № 6. С. 102–136. DOI: 10.17853/1994-5639-2020-6-102-136
3. Кара-Мурза С. Г. Аномия в России: причины и проявления. Москва: Научный эксперт, 2013. 56 с.
4. Sztompka P. Civilizational Incompetence: The Trap of Post-Communist Societies // Zeitschrift für Soziologie, Jg. 22, Heft 2, April 1993, P. 85–95.
5. Жевелик О. Д., Долгицкий О. Д. Аномия как источник физиологической адаптации // Здравоохранение Югры: опыт и инновации. 2016. № 2. С. 52–54.
6. Плетнев А. В. Эвристический потенциал теории аномии в современной криминологии [Электрон. ресурс] // Russian Journal of Education and Psychology. 2014. № 9 (41). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/evristicheskiy-potentsial-teorii-anomii-v-sovremennoy-kriminologii> (дата обращения: 30.03.2021).
7. MacIver R. M. The Ramparts We Guard. New York, Macmillan, 1950. 152 p.
8. Гюйо Ж. М. Безверие будущего. Социологическое исследование. С биографической заметкой о Гюйо Ал. Фулье и с предисловием Д. Н. Овсяннико-Куликовского / Пер. с франц. (11 издание) под ред. Я. А. Сакера. Санкт-Петербург, 1908. 518 с.
9. Болдина М. А., Никонов Ю. С. Девиантное поведение подростков как социальная проблема // Гаудеамус. 2016. Т. 15. № 1. С. 98–101.
10. Долгова А. И. Криминология: Учебник для вузов. Москва: Норма, 2005. 912 с.
11. Корнилова Т. В., Григоренко Е. А., Смирнов С. Д. Подростки групп риска. Москва: Издательство Юрайт, 2019. 273 с.
12. Chikwature W., Oyedele V., Ganyani I. Effects of deviant behavior on academic performance in Mutare Urban primary school in Mutary district // European Journal of Psychological Research. 2016. Vol. 3. № 1. Available from: <https://www.idpublications.org/wp-content/uploads/2016/02/Full-Paper-EFFECTS-OF-DEVIANT-BEHAVIOR-ON-ACADEMIC-PERFORMANCE-IN-MUTARE-URBAN.pdf> (date of access: 30.03.2021).
13. Мицык Т. А. Девиантное поведение подростков как следствие неблагоприятного взросления // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2016. № 2. С. 125–139.
14. Мардахаев Л. В. Социальная педагогика. Москва: Издательство РГСУ, 2013. 500 с.
15. Пруцкова Е. А. Профилактика девиантного поведения среди подростков в образовательных учреждениях // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2017. № 1 (05) С. 39–41.
16. Мельникова М. И. Зарубежный опыт изучения проблемы девиантного поведения [Электрон. ресурс] // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. 37 (6) Часть 4. С. 26–27. Режим доступа: <https://research-journal.org/pedagogy/zarubezhnyj-opyt-izucheniya-problemy-deviantnogo-povedeniya> (дата обращения: 30.03.2021).
17. Гут Ю. Н., Кабардов М. К. Природные и социальные факторы девиантного поведения у подростков // Психологическая наука и образование. 2018. Том 23. № 4. С. 80–90. DOI:10.17759/pse.2018230408

18. Thorlindsson T., Bernburg G. Durkheim's theory of social order and deviance: a multi-level test // *European Sociological Review*. 2004. № 20. P. 271–285.

19. Зигмунт О. А., Энциманн Д. Различия и особенности преступности несовершеннолетних в России и Германии: их значимость для теории аномии // *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. 2006. № 1 (10). С. 97–109.

20. Siegmunt O., Wetzels P. Social Values and Delinquency of Russian Youth // *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*. № 41 (3). P. 211–230. Available from: <http://dx.doi.org/10.1080/01924036.2017.1322113> (date of access: 30.03.2021).

21. Фомина Н. А., Теняева О. В. Гендерные различия психологической структуры ответственности подростков с девиантным поведением // *Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика*. 2010. №3. С. 10–15.

22. Долгицкий О. Д. Социальное отчуждение как источник аномии // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. 2017. Том 6. № 4 А. С. 104–119.

23. Курбатов В. И. Социальная работа [Электрон. ресурс]. Ростов-на-Дону; Москва, 2000. С. 382. Режим доступа: <https://library.lib.sfedu.ru/media/upload/images/show/kurb/17/17.pdf> (дата обращения: 30.03.2021)

24. Kohlberg L. Education, Moral Development and Faith // *Journal of Moral Education*. 1974. № 4 (1). P. 5–16. DOI:10.1080/0305724740040102

25. Siegmunt O. A. Juveniles' violent crime in Germany and Russia: differences and factors of influence // *Pacific Rim: Economics, Politics, Law*. 2018. № 3. P. 170–179. DOI:10.24866/1813-3274/2018-3/170-179

26. Muftić Lisa R. Advancing institutional anomaly theory: A microlevel examination connecting culture, institutions, and deviance // *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. 2006. № 50. P. 630–653. DOI: 10.1177/0306624X06287284

27. Паатова М. Э., Бегидова С. Н., Хакунов Н. Х. Теоретико-методологический анализ социально-педагогических феноменов «Девиантное поведение» и «Делинквентное поведение» подростков [Электрон. ресурс] // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология*. 2012. № 1. С. 14–23. Режим доступа: [https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodologicheskij-analiz-sotsialnopedagogicheskikh-fenomenov-deviantnoe-povedenie-i-delinkventnoe-povedenie-podrostkov_\(дата_обращения:_27.11.2020\)](https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodologicheskij-analiz-sotsialnopedagogicheskikh-fenomenov-deviantnoe-povedenie-i-delinkventnoe-povedenie-podrostkov_(дата_обращения:_27.11.2020)).

28. Зигмунт О. А. Преступность несовершеннолетних в России и Германии: роль современной семьи // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция*. 2018. № 4. С. 173–182. DOI: 10.18384/2310-6794-2018-4-173-182

References

1. Kovrigina G. D. Social solidarity in the theory of frames. *Vestnik razvitiya nauki i obrazovaniya = Bulletin of Development of Science and Education*. 2018; 9: 47–53. (In Russ.)

2. Usova O. V., Chevtaeva N. G., Nikitina A. S., Scavo C. Representation of well-being / ill-being of the modern Russian family and student behaviour: The phenomenon of teachers' reflection. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2020; 22 (6): 102–136. DOI: 10.17853/1994-5639-2020-6-102-136 (In Russ.)

3. Kara-Murza S. G. Anomija v Rossii: prichiny i projavlenija = Anomia in Russia: Causes and manifestations [Internet]. Moscow: Publishing House Nauchnyj jekspert; 2013 [cited

2021 Mar 30]. 56 p. Available from: <https://www.libfox.ru/423574-sergey-kara-murza-anomiya-v-rossii-prichiny-i-proyavleniya.html> (In Russ.)

4. Sztompka P. Civilizational incompetence: The trap of post-communist societies. *Zeitschrift für Soziologie*. 1993; 2: 88–95.

5. Gebelik O. D., Dolecki O. D. Anomie as a source of physiological adaptations. *Zdravoohranenie Jugry: opyt i innovacii = Health of Ugra: Experience and Innovation*. 2016; 2: 52–54. (In Russ.)

6. Pletnev V. A. The heuristic potential of the theory of anomie in contemporary criminology. *Russian Journal of Education and Psychology* [Internet]. 2014 [cited 2021 Mar 30]; 41 (9): 95–110. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/evristicheskiy-potencial-teorii-anomii-v-sovremennoy-kriminologii> (In Russ.)

7. MacIver R. M. *The ramparts we guard*. New York: Macmillan; 1950. 152 p.

8. Guyau J. M. *Bezverie budushhego. Sociologicheskoe issledovanie. S biograficheskoy zametkoy o Gjujo Al. Full'e i s predisloviem D. N. Ovsjaniko-Kulikovskogo = Disbelief of the future. Sociological research. With biographical note on Guyau by Al. Fouillée and with a foreword by D. N. Ovsyaniko-Kulikovskii*. Translated from French. 11th edition. Ed. by Ja. L. Sack-er. St. Petersburg; 1908. 518 p. (In Russ.)

9. Boldina M. A., Nikonov S. Yu. Adolescent deviant behavior as a social problem. *Gaudeamus*. 2016; 15 (1): 98–101. (In Russ.)

10. Dolgova A. I. *Kriminologija = Criminology*. Moscow: Publishing House Norma; 2005. 912 p. (In Russ.)

11. Kornilova T. V., Grigorenko E. L., Smirnov S. D. *Podrostki grupp riska = Adolescents of risk groups*. Moscow: Publishing House; Jurajt; 2019. 273 p. (In Russ.)

12. Chikwature W., Oyedele V., Ganyani I. Effects of deviant behavior on academic performance in Mutare Urban primary school in Mutary district. *European Journal of Psychological Research* [Internet]. 2016 [cited 2021 Mar 30]; 3 (1). Available from: <https://www.idpublications.org/wp-content/uploads/2016/02/Full-Paper-EFFECTS-OF-DEVIANT-BEHAVIOR-ON-ACADEMIC-PERFORMANCE-IN-MUTARE-URBAN.pdf>

13. Mitsyk T. Deviant behavior of adolescents as a consequence of dysfunctional adulthood. *Vestnik po pedagogike i psihologii Yuzhnoj Sibiri = The Bulletin on Pedagogics and Psychology of Southern Siberia*. 2016; 2: 125–139. (In Russ.)

14. Mardakhaev L. V. *Social'naja pedagogika = Social pedagogy*. Moscow: RSSU Publishing House; 2013. 500 p. (In Russ.)

15. Pruckova E. A. Prevention of deviant behavior among adolescents in educational institutions. *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki = Pedagogy. Theory and Practice*. 2017; 5 (1): 39–41. (In Russ.)

16. Mel'nikova M. I. Foreign experience in studying the problem of deviant behavior. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal = International Research Journal* [Internet]. 2015 [cited 2020 Aug 17]; 37 (6), Part 4: 26–27. Available from: <https://research-journal.org/pedagogy/zarubezhnyj-opyt-izucheniya-problemy-deviantnogo-povedeniya> (In Russ.)

17. Gut Yu. N., Kabardov M. K. Natural and social factors of deviant behavior in adolescents. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*. 2018; 23 (4): 80–90. DOI: 10.17759/pse.2018230408 (In Russ.)

18. Thorlindsson T., Bernburg G. Durkheim's theory of social order and deviance: A multi-level test. *European Sociological Review*. 2004; 20: 271–285.

19. Zygmunt O. A., Enzmann D. Differences and peculiarities of juvenile delinquency in Russia and Germany: Their significance for the theory of anomie. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra = Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2006; 10 (1): 97–109. (In Russ.)
20. Siegmunt O., Wetzels P. Social values and delinquency of Russian youth. *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice* [Internet]. 2017 [cited 2021 Mar 30]; 41 (3): 211–230. Available from: <http://dx.doi.org/10.1080/01924036.2017.1322113>
21. Fomina N. A., Tenyaeva O. V. Gender differences in the psychological structure of responsibility of adolescents with deviant behavior. *Vestnik RUDN. Seriya: Psihologiya i pedagogika = Bulletin of the RUDN. Series: Psychology and Pedagogy*. 2010; 3: 10–15. (In Russ.)
22. Dolgitsky O. D. Social alienation as a source of anomie. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke = Context and Reflection: Philosophy of the World and Man*. 2017; 6 (4A): 104–119. (In Russ.)
23. Kurbatova V. I. Social'naja rabota = Social work [Internet]. Rostov-on-Don; Moscow; 2000 [cited 2021 Mar 30]. p. 382. Available from: <https://library.lib.sfedu.ru/media/upload/images/show/kurb/17/17.pdf> (In Russ.)
24. Kohlberg L. Education, moral development and faith. *Journal of Moral Education*. 1974; 4 (1): 5–16. DOI: 10.1080/0305724740040102
25. Siegmunt O. Mediating role of social disorganization: A case study of Russian neighborhoods. *Journal of Criminal Investigation and Criminology*. 2015; 66 (4): 342–352. DOI:10.24866/1813-3274/2018-3/170-179
26. Mučić L. R. Advancing institutional anomaly theory: A microlevel examination connecting culture, institutions, and deviance. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. 2006; 50: 630–653. DOI: 10.1177/0306624X06287284
27. Paatova M. E., Begidova S. N., Hakunov N. H. Theoretical and methodological analysis of socio-pedagogical phenomena “Deviant behavior” and “Delinquent behavior” of adolescents. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Pedagogika i psihologiya = Bulletin of the Adygeya State University. Series 3: Pedagogy and Psychology* [Internet]. 2012 [2020 Nov 27]; 1: 14–23. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodologicheskij-analiz-sotsialnopedagogicheskikh-fenomenov-deviantnoe-povedenie-i-delinkventnoe-povedenie-podrostkov> (In Russ.)
28. Zygmunt O. A. Delinquency of minors in Russia and Germany: The role of the modern family. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudenciya = Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*. 2018; 4: 173–182. DOI: 10.18384/2310-6794-2018-4-173-182 (In Russ.)

Информация об авторах:

Усова Ольга Валерьевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры управления персоналом Уральского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; ORCID 0000-0003-3942-8816; Екатеринбург, Россия. E-mail: Ola_U@mail.ru

Усов Виктор Витальевич – аспирант кафедры социологии управления Уральского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; Екатеринбург, Россия. E-mail: viktor1u@mail.ru

Костина Наталья Борисовна – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии управления Уральского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; ORCID 0000-0003-1928-4835; Екатеринбург, Россия. E-mail: kostina-nb@ranepa.ru

Дуран Татьяна Валентиновна – докторант Льежского университета (г. Льеж, Бельгия), доцент кафедры управления персоналом и социологии Уральского государственного университета путей сообщения; ORCID 0000-0001-8508-6752; Екатеринбург, Россия. E-mail: tatyana.duran@hotmail.be

Вклад соавторов:

О. В. Усова – проведение эмпирического исследования, обработка полученных данных методами математической статистики, интерпретация полученных результатов.

В. В. Усов – литературный анализ по проблематике исследования.

Н. Б. Костина – методологическое сопровождение и концепция проведения исследования, доработка исследования к печати.

Т. В. Дуран – обзор зарубежных исследований по теме исследования, согласование методологических подходов к проведению исследования.

Информация о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 22.08.2020; принята в печать 10.03.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Olga V. Usova – Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor, Ural Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; ORCID 0000-0003-3942-8816; Ekaterinburg, Russia. E-mail: Ola_U@mail.ru

Viktor V. Usov – Postgraduate Student, Department of Sociology of Management, Ural Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ekaterinburg, Russia. E-mail: viktor1u@mail.ru

Natalya B. Kostina – Dr. Sci. (Sociology), Professor, Department of Sociology of Management, Ural Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; ORCID 0000-0003-1928-4835; Ekaterinburg, Russia. E-mail: kostina-nb@ranepa.ru

Tatiana V. Duran – PhD Student, University of Liege; Associate Professor, Department of Personnel Management and Sociology, Ural State University of Railway Transport; ORCID 0000-0001-8508-6752; Liege, Belgium; Ekaterinburg, Russia. E-mail: tatyana.duran@hotmail.be

Contribution of the authors:

О. В. Усова – conduction of empirical research, processing the obtained data by the methods of mathematical statistics, interpretation of the results.

В. В. Усов – literature analysis on research issues.

Н. Б. Костина – methodological support and development of the research concept, revision of the study for publication.

Т. В. Дуран – review of foreign studies on the research topic, choice of methodological approaches to research.

Conflict of interest statement. The authors declare that there is no conflict of interest.

Received 22.08.2020; accepted for publication 10.03.2021.

The authors have read and approved the final manuscript.